

УДК 821.161.1-311.6

**ИГРА С КЛАССИКОЙ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУТАЦИИ В ПРОЗЕ
М. ЕЛИЗАРОВА
(НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ «ГОСПИТАЛЬ» И «МУЛЬТИКИ»)**

С. Ф. Меркушов

Тверской государственной университет
центр русского языка и культуры

В статье обосновывается закономерность использования Михаилом Елизаровым в собственных текстах литературных реминисценций из классических и советских произведений.

Ключевые слова: художественные и текстуальные параллели, аллюзия, реминисценция

Проза Михаила Елизарова, будучи постмодернистской, закономерно цитатна. Игра с цитатами, как известно, создает интертекстуальность. По неоспоримому мнению Ролана Барта, она «не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» [1, с. 78]. Но в данной статье я обращаюсь именно «к проблеме источников и влияний» классической русской и советской литературы в произведениях Михаила Елизарова. Такая постановка проблемы весьма любопытна, ибо художественные миры Елизарова и русских писателей внутренне взаимосвязаны, и эта связь таит в себе многообразие смыслов тем более, что и почва для дальнейших разработок по данной теме благодатна.

В критике не раз отмечалось, что в произведениях М. Елизарова сильно классическое начало [2, с. 11]. Русская литературная классика традиционно ассоциируется с произведениями, написанными авторами XIX столетия. Подобная точка зрения правильна, если говорить об основных сочинениях этого времени (к примеру, о «Войне и мире» Л. Н. Толстого или о «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского), ведь в каждую эпоху существовали и существуют свои классики. Мы уделим основное внимание корреляции текстов Елизарова и русской классической прозы в привычном для читателя понимании.

В. Бондаренко, постоянный и один из наиболее последовательных обозревателей творчества М. Елизарова, подчеркивал, что особенностью его текстов является «возвращение, извлечение Смысла... из великой советской эпохи» [2]. В своих интервью Елизаров не скрывает симпатии к советской действительности, отдавая должное тем человеческим отношениям и идеалам, которые продвигала и развивала советская культурная эстетика. Конкретизируется и в то же время абстракционируется эта идея в большинстве текстов писателя, причем опять-таки через апелляции к литературным произведениям периода социалистического строительства.

Очевидные художественные и текстуальные параллели проводятся между произведениями М. Елизарова и Н. В. Гоголя. Они становятся особенно четкими, на мой взгляд, при сопоставлении, к примеру, «Вия» и «Госпиталья». При рассмотрении образной системы двух текстов выявляются общие для обоих писателей методы визуализации персонажей. Характерные для Гоголя литературные формы Елизаров в своем тексте («Госпиталь») модифицирует в соответствии с теорией так называемой «постмодернистской чувствительности» (И. Хассан, Ж.-Ф. Лиотар) [6, с. 12], в основе которой лежит восприятие мира (космоса) как хаоса. Он превращает их в антиформы, несущие в себе заряд насилия, безумия и апокалиптичности. Так, следуя за классиком, Елизаров вводит в свое повествование ряд знаков, свидетельствующих о скором наступлении аллегорического Армагеддона. Так, «тлетворный дух» больничных помещений симптоматичен как предвестник скорого наказания, расправы, суда, а равно и гибели, смерти, разложения («Раздетая подушка ... глухо смердела рвотой и подгнившим пером» [3, с. 14]). Образ одного из героев «Госпиталья», танкиста Прищепина, соотносится с образом и мифологического, и гоголевского Вия. Прищепин, как и Вий, указывает на персонажа-«невидимку» Кочуева и навсегда делает его зримым, а стало быть, незащищенным, уязвимым и слабым [7, с. 268].

Безусловно, при анализе «Госпиталья» и «Палаты № 6» обнаруживается схожесть изобразительных приемов М. Елизарова и А. П. Чехова. Если понимать чеховскую «палату» как локализованный вариант царской России (а именно с этой точки зрения очень долгое время рассматривалась данная повесть), то неизбежно установление ряда художественных аналогий с елизаровским «госпиталем» – СССР в миниатюре. «Госпиталь» – Союз перестроечного образца, прогнивший насквозь, опошленный и опороченный, превращающийся в посмешище, – в определенной степени тождествен «палате № 6» – аллегии косности и безумия старой России. Отсюда практически идентичные у обоих авторов описания больничной атмосферы с ее удушливостью и смрадом, как олицетворением несвободы и знаком скорой гибели: «Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи с синими полосками, никуда негодная, истасканная обувь, – вся эта рвань свалена в кучи, перемята, спуталась, гниет и издает удушливый запах» [13, с. 279]; «У столовой преобладал запах супа и теплого помойного ведра» [3, с. 14].

Если следовать общепринятым, «школьным» интерпретациям «Палаты № 6», Рагин – раб обстоятельств, окончательно примирившийся с кабалой «палаты», сросшийся с ней, в итоге погибающий в силу этих причин. С другой стороны, чеховский герой понимает иллюзорность реальности и быта и утверждает важную мысль о том, что «жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящий человек достигает возмужалости и приходит в зрелое сознание, то он невольно чувствует себя как бы в ловушке, из которой нет выхода» [13, с. 312]. Этот аспект позволяет иначе толковать произведение. Рагин в результате достигает освобождения, покидает земные миражи, в отличие от того же Хоботова, не умеющего проникнуть в суть вещей, постичь то, что он добровольно заключил себя в плен эфемерных стимулов, якобы оправдывающих его никчемное существование. У Елизарова освобождение героя происходит, казалось бы, спорадично: он спасается от старослужащих и

выписывается (именно 19 августа 1991 года) из некогда великого, а теперь разложившегося вследствие «достижений перестройки» госпиталя-союза. Однако внесение в рассказываемую историю мотива случайности здесь логично, так как «развитие общества подчиняется в целом вполне определенным законам, которые носят не детерминистический, а вероятностный характер» и «именно в условиях нестабильного состояния общества максимально влияние случайного фактора» [10, с. 114].

Главного героя романа «Мультики», старшеклассника, попавшего по переезде из родного города в «плохую компанию» и стремительно катящегося по наклонной плоскости, зовут Герман. С хрестоматийной «Пиковой дамой» А. С. Пушкина героя объединяет не только имя. Основной сюжетный пласт романа представляет собой некую травестию повести и насыщен аллюзиями из нее. Время действия у Елизарова – конец 80-х гг. прошлого столетия. Школьники показывают прохожим «мультики»: девушка распахивает шубу, под которой ничего нет, после чего появляется эскорт, требующий «штраф». В первую же «вылазку» в преддверии Нового года ребята «зарабатывают» 90 рублей – больше половины месячного оклада рядового советского инженера. Пушкинский Герман так же после своей известной ночной галлюцинации – своеобразного сеанса «мультиков» с участием усопшей графини, обманным путем выигрывает в карты два дня подряд. Роль пушкинских главных героинь у Елизарова играет Аня, в которую влюблен главный герой. Именно ее образ аллюзивно соотносится с символом пиковой дамы Пушкина. В одном из наиболее значимых эпизодов романа, повествующем о праздновании шестнадцатилетия участника шайки «мультипликаторов» Козуба, писатель намеренно и настойчиво выстраивает ассоциативный ряд, в котором фигура Ани коррелирует с семеркой треф, причем из колоды порнографических карт [4, с. 97]. Главный герой «Пиковой дамы» в итоге несет заслуженное наказание – сходит с ума. Елизаровский Герман после сюрреалистических воспитательных процедур, происходящих только в его сознании и фиксирующих модели судьбы, коды бытия, встает на путь исправления. При помощи атакующего его рассудок «сверхразума», являющегося в то же время элементом тривиального советского строя, Герман не погружается глубже в криминальный мир, *не сходит с ума*, а взывает к некоему высшему, духовному началу, *мета-знанию*. Потому объяснимо, что привезенный в метафизическую (и, скорее всего, олицетворяющую некую область подсознания человека, отвечающую за рациональное поведение) детскую комнату милиции, Герман не сделал попытки к бегству, хотя задержавшие его давали тому повод и возможность.

Во второй части «произведение о трудном детстве» трансформируется. Герой попадает в «лапы менгов», двое из которых легко узнаваемы – Усы Подковой (несомненно, шарж на Антона Макаренку) и Сухомлинов (безусловно, карикатурный Василий Сухомлинский). Пародируется «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» А. Макаренку, кинофильм «Республика Шкид» Р. Полоки и подобные произведения с характерными дерзкими и одновременно плаксивыми интонациями пойманных малолетних преступников: «А чего он врет, товарищ милиционер?!»; «Дяденьки милиционеры, отвезите меня домой! Мама очень волнуется!» [4, с. 132].

Но важно понять, что М. Елизаров не преследует цель высмеять советскую педагогическую систему. Он описывает советское общество, внутри которого действовала каста людей, ведущих себя вопреки нарождающимся коммерческим интересам. Именно их появление и создает напряжение в романе, и именно отсюда в нем «мистика». Возникает трансцендентная сущность, демонстрирующая Герману «мультики» про него самого. Этот перевернувший жизнь Германа запредельный Разумовский вводится в повествование постепенно. Сначала он взирает на персонажа с фотографических портретов на стене, вселяющих суеверный страх: «...все лица с годами менялись – выросли или просто старели, а лицо Разумовского словно и не имело возраста. <...> Его портрет всегда чуть отличался от остальных – если все были матовые, то Разумовский поблескивал в глянце. Если у всех фон шел волнистыми складками, то у Разумовского он оказывался гладким, будто его снимал другой фотограф и в совершенно другом месте» [4, с. 143]. Невольно напрашиваются определенные аналогии с «Портретом» Н. В. Гоголя и «Портретом Дориана Грея» О. Уайльда. Елизаровские снимки тоже своего рода фотографические «мультики», фантомы, предваряющие материализацию Разумовского. Разумовский, как воплотившийся *разум*, экспонирует для Германа через диапроектор возможные модели судьбы на примере своей и чужих жизней. И в финале демонстрации герой осознает необходимость собственного перевоспитания, перековки в соответствии с *правильным, социалистическим, стандартом судьбы*. СССР, по мнению Елизарова, был страной не просто «несвободной» в упрощенном значении, а страной, задававшей своим гражданам судьбу, обеспечивая «равенство возможностей», и следящей за реализацией судьбы своих граждан: «– Ну, извини, Герман, – развел руками Усы Подковой. – Выходит, судьба твоя такая. – Судьба... – повторил Сухомлинов и почему-то вздохнул» [4, с. 130].

Стоит заметить, что роман «Мультики» во многом схож с «Заводным апельсином» Э. Берджесса. Два произведения связываются не только родственными сюжетными поворотами, но и аналогичной структурой: в первой части обеих книг рассказывается о криминальных подвигах героев; вторая часть повествует о преимуществах нестандартных подходов к воспитанию (а точнее, перевоспитанию), а третья суммирует окончательный итог всех событий.

«Мультики» написаны в 2010 году, и, естественно, сюжет их может во многом решаться в контексте нашей реальности. «Враг стал хитрей, изворотливей. Это он, прикинувшись голой бесстыдницей с журнальной обложки, улыбается тебе. Он, в виде крепьша с кастетом и автоматом, смотрит на тебя с экрана телевизора. Все это – один и тот же враг – капиталистическая идеология и ее верные псы: порнография и насилие. Они рвут на части нашу страну...» [4, с. 146] – одна из ключевых цитат романа, содержащая главный его пафос, приложимый к фактам сегодняшнего дня. В этой выдержке – вывернутый наизнанку навязанный человеку мир с поддельными ценностями, который Елизаров нашел даже у Николая Носова в «Незнайке на Луне» [8, с. 309]. Недаром отдельные критики считают творчество Михаила Елизарова своеобразной модификацией «другой прозы», а не постмодернизмом в чистом виде [11].

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Бондаренко, В. Новые. Русские. Лицо современной русской литературы стало иным [Электронный ресурс] / В. Бондаренко. – Режим доступа: zahargrilepin.ru. – Дата обращения: 12.09.2013. – Загл с экрана.
3. Елизаров, М. Госпиталь [Текст] / М. Елизаров. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2009. – 272 с.
4. Елизаров, М. Мультики [Текст] : роман / М. Елизаров. – М. : АСТ ; Астрель, 2010. – 320 с.
5. Елизаров, М. Бураттини. Фашизм прошел [Текст] / М. Елизаров. – М. : Астрель ; АСТ, 2011. – 220 с.
6. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар. – М. : Алетейя, 1998. – 160 с.
7. Меркушов, С. Ф. Об абстракциях и аллегориях в повести М. Елизарова «Госпиталь» [Текст] / С. Ф. Меркушов // Вестник ТвГУ. Сер.: Филология. – 2013. – № 4. – С. 264–271.
8. Меркушов, С. Ф. Интерпретация текстов прошлого сквозь призму сюжетов настоящего в книге эссе Михаила Елизарова «Бураттини. Фашизм прошел» [Текст] / С. Ф. Меркушов // Настоящее как сюжет : мат. международной научной конференции. – Тверь : Изд-во М. Ю. Батасовой, 2013. – С. 308–313.
9. Пушкин, А. С. Сочинения [Текст] / А. С. Пушкин : в 3-х т. – М. : Художественная литература, 1987. – Т. 3 : Проза. – 528 с.
10. Скляр, А. Ю. Основы физики духа [Текст] / А. Ю. Скляр. – М. : Вече, 2006. – 149 с.
11. Федченко, Н. О фантомах и реальности прозы Михаила Елизарова (на примере романа «Библиотекарь») [Текст] / Н. Федченко // Парус. – 2012. – № 19. – 25 декабря.
12. Хассан, Ихаб. Раздвигание Орфея. К проблеме постмодернистской литературы [Текст] / Ихаб Хассан. – М. : Эксмо, 1999. – 438 с.
13. Чехов, А. П. Избранное [Текст] / А. П. Чехов. – М. : Эксмо, 2000. – 640 с.

**THE GAME WITH THE CLASSICS: LITERARY MUTATION IN PROSE
OF M. YELIZAROV
(ON THE EXAMPLE OF TEXTS «HOSPITAL» AND «CARTOONS»)**

S. F. Merkuhov

Tver State University
The center of Russian language and culture

Substantiates the regularity of the use of Mikhail Yelizarov in own texts of literary reminiscences of classical and Soviet works.

Key words: *artistic and textual parallel, allusion, reminiscence*

Об авторах:

МЕРКУШОВ Станислав Федорович – кандидат филологических наук, главный специалист Центра русского языка и культуры Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: rusc2007@yandex.ru